

A woman in a historical dress is looking at her reflection in a mirror. The woman on the left is in profile, wearing a dark dress with a white lace collar and large, ornate earrings. Her hands are resting on the edge of the mirror. The reflection in the mirror shows her from the front, wearing a similar dress with a white lace collar and a dark, patterned bodice. The background is dark and out of focus.

Ольга Артёмова

Отражение

Ольга Артемова

Отражение.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198840

SelfPub; 2023

Аннотация

Конец 19 века, единственная дочь князя сбегает из дома и тайно венчается с возлюбленным, простого происхождения. Вскоре княжна и её супруг трагически погибают. А оставшаяся без родителей новорожденная девочка оказывается на попечении своего деда, князя Василия. Девочка ни в чём не знает отказа, но отчего же её так тянет в лес? Почему во всех отражениях она видит своего двойника? Здесь скрывается какая-то тайна...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Артемова

Отражение

Пролог

Рождество неумолимо приближалось, а в усадьбе князя Львова никаких приготовлений к празднику не наблюдалось. Мрачный, холодный стоял богатый барский дом. Даже собаки не брехали на псарне, а уж дворня и вовсе затаилась. Лишь изредка шмыгнет по двору казачок с поручением, да барская барыня важно по своим делам пройдёт. А уж само-го князя Василия Петровича Львова, соседи с прошлой Пасхи не видали. Сидит дома, как бирюк, никого не принимает. А как весело было совсем недавно! Для любимой дочки, семнадцатилетней Натальи, на позапрошлый праздник устраивался рождественский вертеп с фигурами ангелов, Богородицы и младенца Иисуса в золочёных яслях. Наряжалась игрушками, конфетами и марципанами огромная ёлка, а на макушке её гордо сияла золочёная вифлеемская звезда. И, конечно же, съезжались в поместье соседи с разнаряженными по-праздничному детьми. Наташа Львова, прекрасная, как ангел, с локонами, завитыми парикмахером-французом, встречала приглашённых вместе с папенькой на правах хозяйки дома.

«Какая красавица выросла! – шептались меж собой гости. – Вылитая Марфа Григорьевна, покойница».

Мать Наташи умерла 10 лет назад рожая князю долгожданного наследника. Схватки начались раньше времени, городской доктор не поспел в срок, и принимать ребёнка пришлось подслеповатой бабке-повитухе. Марфа, промучившись сутки, родила младенца мужского пола. Батюшка едва успел окрестить новорожденное дитя, как ангельская душа его устремилась к Создателю. Следом вздохнула в последний раз и роженица.

Василий Петрович похоронил супругу с младенцем на семейном кладбище, горевал долго, но пришёл в себя и всю свою любовь и нежность перенёс на семилетнюю Наташу. Она ни в чём не знала отказа: наряды и учителя выписывались из-за границы и из обеих российских столиц. Все прихоти и капризы исполнялись немедленно и беспрекословно.

Княжна к семнадцати годам свободно говорила на нескольких языках, недурно пела и музицировала, обожала ездить на лошадях и об одном только мечтала, чтобы папенька купил ей собственную лошадку.

Когда гости, откушав за обильным рождественским столом, переместились в гостиную, чтобы послушать пение несравненной мадемуазели Жозефины, а дети весело разрезвились под нарядной ёлкой, Василий Петрович громко объявил:

– А теперь сюрприз для Наташи!

И тотчас же во дворе зажглись фейерверки. Гости ахнули и бросились к окнам. А там, на освещённом праздничными огнями дворе, гарцевал на гнедой кобыле молодой берейтор, обряженный в костюм гусара.

Он спрыгнул с лошади, взял ее под уздцы и, подойдя к выбежавшей Наташе, передал ей поводья, картинно встав на одно колено

– Моя! Моя! Радостно завизжала Наталья и захлопала в ладоши. Затем обняла папеньку и расцеловала его в обе щёки.

Лошадка немедленно была названа Ягодкой, и с того дня любимым занятием княжны стали прогулки верхом в сопровождении молодого конюха Сергея, которого Василий Петрович переманил у соседа-помещика Никифора Свиньина, когда покупал лошадку.

Наступила весна, расцвели в саду вишни да яблони, а краше их расцвела Наташа. Уже не один достойный претендент намекал, что готов немедленно жениться на прекрасной княжне Львовой. Но князь не торопился дать согласие. Дочь была единственной и любимой, и её руку должен был получить только самый достойный.

После долгих раздумий выбор был сделан. Руку Наташи, а вместе с ней и немалое приданое, Василий Петрович решил отдать молодому дворянину Григорию Свиньину, сыну того самого помещика, что так любезно и недорого уступил соседу молодую кобылку.

Григорий Свињин был старшим сыном своего отца, и должен был унаследовать после его смерти всё имущество. Род Свињиных был известен еще при правлении Иоанна Грозного, и породниться с ними было почётно. И к тому же Григорий был молод и недурён собой. И это сыграло решающую роль в выборе зятя.

«Наташа будет счастлива, – думал князь. – Вон какой Гришка красавец! И внуков мне подарят скоренько красивых да здоровых».

Князь Василий пригласил старшего Свињина поохотиться в своих угодьях, егеря выгнали на них упитанного подвинка, и гость его собственноручно застрелил.

А позже, поедая нежное жареное мясо и запивая его лафитом, господа договорились о свадьбе детей и ударили по рукам.

Никифор Свињин отправился домой радовать сына соглашением князя на брак с его дочерью.

А сам Василий Петрович поспешил к любимой Наташе, предвкушая её радость от известия, что Григорий Свињин теперь её жених.

Но Наташа отреагировала на радостную новость странно: побледнела, схватилась за сердце и упала в обморок. Встревоженный князь кликнул прислугу, Наташе дали нюхательную соль и уложили в постель.

Князь удалился в свои покои сильно встревоженный. Но поразмыслив – успокоился, решив, что обморок приключил-

ся с дочерью от великой радости.

Спустя пару дней Василий Петрович вновь завёл с дочерью разговор о замужестве, и получил истерику, слёзы и новый обморок.

Да здорова ли Наташа? Пригласили доктора, тот осмотрел девушку, причин для беспокойства не обнаружил. Княжна была абсолютно здорова, разве что слегка худовата да бледна, но так это нынче в моде. Отобедав за княжеским столом и обсудив с Василием Петровичем доходившие из Петербурга слухи о скором отмене крепостного права, доктор отбыл домой с чувством исполненного долга. А Наташа заперлась в своих покоях и никого не желала видеть, чем несказанно огорчила князя.

Поворочавшись пару часов в своей постели расстроенный Львов так и не смог уснуть и решил прогуляться в саду, послушать соловьёв и выкурить свою любимую трубочку. Добрый английский табак хорошо прочищал мозги, и князь надеялся, что это поможет ему решить, как же быть с Наташей.

Между тем ночь была необычайно тёплой для начала мая, и Василий Петрович не торопился в дом. Он сидел на лавочке совершенно невидимый за кустами китайской сирени, как вдруг услышал два негромких голоса: мужской и женский. Голоса слышались совсем рядом, и князю стало любопытно, что ж за парочка милуется в беседке. «Неужто ключница?» – подумал князь и рассмеялся про себя. Ключница

Татьяна была старой девой лет 40, сухой и желчной. «Вот

шельма! – думал весело Василий Петрович, стараясь незаметно подобраться к парочке, – гляди-ка, молодого конюха охмурила».

Он подкрался совсем близко и вдруг выскочил перед парочкой, предвкушая, как смутится и покраснеет Татьяна, и растеряется конюх Серёжа.

Но разглядев влюблённых, князь подавился смехом: к конюху Сергею испуганно прижалась его любимая дочь Наташа.

– Ах ты мерзавец! – взревел Львов. – Запорю!!– И князь не помня себя бросился с кулаками на обидчика.

Но его Наташа, его ласточка, с криком: «Беги, Серёжа, я его задержу!» – подставила подножку отцу. Василий Петрович, не ожидая такой подлости, конечно же, споткнулся и мешком повалился на землю.

Очнулся он уже в собственной постели, с холодным компрессом на голове.

– Наташа, где Наташа? – слабым голосом произнёс он.

Ответом ему было молчание.

Взволнованный князь попытался встать с постели, но собравшаяся дворня не позволила ему это сделать. И ключница, наконец, дрожащим голосом сообщила, что Наташа пропала вместе со своей лошадкой Ягодкой. Принялись искать её и не сразу заметили исчезновение конюха Сергея и лучшего княжеского жеребца Воронка.

Василий Петрович сорвал с головы повязку и велел сна-

рывать погоню. Не верил князь, что голубушка, лапушка Наташенька добровольно с паршивцем Серёжкой сбежала.

«Обманул, заморочил голову, увез. Ничего, ничего. Догоню, верну. Запору до смерти стервеца. Спасу мою Наташу», – твердил князь, не переставая прочёсывать округу.

Но шло время, а следов дочери так и не обнаружили.

А летом пошел слух, что стервеца Сережу видели в банде Игнашки Косого. А позже нашел князь Василий подброшенное письмо, в котором рукой Наташи было писано

«Дорогой батюшка, не ищите меня. Я ушла из дома по своей воле за любимым. Невозможно мне было стать женой Гришки Свиньи́на, и другого выхода, как сбежать, я не представляла.

С Сергеем мы обвенчались, я его законная жена и буду теперь следовать за ним до самой смерти.

Простите вашу недостойную Наташу и прощайте. Не смею более называться вашей дочерью. Наташа».

Князь вновь и вновь перечитывал письмо, не веря, что такое могла написать его дочь. Затем разжёл камин в большой зале и сжёг письмо и все Наташины вещи, запретив прислуге упоминать при нем даже её имя.

И зажил затворником, никого не принимая и никого не посещая. Год прошел, другой, вновь Рождество на пороге.

друг вечером, в Сочельник, когда прислуга втихаря готовилась встречать светлое Рождество, в закрытые ворота громко застучали.

Сонные дворовые псы лениво подали голоса, а в ворота всё колотили и колотили не переставая.

Татьяна кликнула кучера Степана, зажгла масляную лампу и, накинув шерстяную шаль на плечи, поспешила к воротам. Степан молча следовал за нею, сжимая в руке огромный топор.

«Кого там черти принесли, – ворчала ключница, – к добру али к худу?» Стучать перестали.

Степан отодвинул здоровенный засов и приоткрыл ворота.

Татьяна приподняла лампу вверх и опасливо заглянула в щель. За воротами, запряжённая в розвальни, переминалась с ноги на ногу тощая лошадёнка. «Да кого ж это принесло в такое время?» – вновь подумалось ключница, – и тут из темноты на свет шагнула высокая женская фигура.

– К барину веди! – властно приказала женщина.

И Татьяна, наконец, узнала ту, что явилась в неурочный час: перед ней стояла Ульяна, которую иначе, как Улька-ведьма промеж себя крестьяне и не называли.

– Да ты совсем ума лишилась, – ключница раскрылилась, стараясь не впустить незваную гостью.

Но та лишь плечом шевельнула, и Татьяна как пушинка отлетела в сторону. А Степан сам отступил в сторону, пропуская ведьму и боязливо крестясь ей в след. А Ульяна, не оглядываясь, направилась прямо к парадному входу.

– Танька, – Степан помог ключнице выбраться из сугро-

ба, – кажись, дитё у ведьмы на руках пищит.

– Да свят с тобой, какое дитё? Откуда? Показалось тебе.

– Нет, неспроста Ульяна явилась, ох, неспроста.

И к барину пошла прямой наводкой.

Чует моё сердце, случилось что-то. Дай фонарь, пойду к барину в покои, да сама погляжу, может, помощь ему какая нужна.

Ключница решительно пошла по дорожке к парадному входу. Степан, тяжело вздохнув, поплёлся вслед за ней.

Ульяна тем временем нисколько не плутая шла по неосвещённым коридорам барского дома.

Впереди забрезжил тёплый свет: в спальне барина тлели угли в камине и горели свечи в подсвечниках. На столе стояли нетронутые праздничные блюда. Барин говел до первой звезды.

Сам Василий Петрович сидел в мягком кресле подле камина и что-то читал, вода пальцем по строкам.

Ульяна вошла в барские покои и остановилась, кулёк в её руках зашевелился, и из него послышался жалобный детский плач.

Князь Василий удивлённо смотрел на гостью, не узнавая сначала, затем приподнялся и прерывающимся голосом произнёс:

– Уля, неужто это ты? Как ты здесь? Зачем?

Василий Петрович в волнении отложил открытую книгу на столик, стало видно, что это Библия, в дорогом переплёте

и с золотым тиснением на обложке. В нерешительности он встал посреди комнаты, не смея подойти к странной гостье. Она сама подошла к нему и протянула пищащий сверток.

– Возьми.

Князь машинально взял протянутый кулёк и отогнул краешек: на него глянули бледно-голубые глазки младенца, полные слёз.

Крошечные розовые губки кривились в плаче, открывая беззубые дёсна. Что-то кольнуло в груди у Василия Петровича, что-то давно забытое:

– Наташа... – прошептал он потрясённо, глядя на младенца.

– Приди в себя, Вася, не Наташа это, а дочь её новорожденная. Нет у неё ещё имени.

Но князь как будто и не слышал, счастливыми глазами он смотрел на ребёнка и бормотал:

– Наташа, моя Наташа вернулась.

Подняв вверх лампу, в покои вошла ключница и остолбенела, глядя на князя. Степан молчаливой статуей замер сзади.

– Что замерли? – устало спросила ведьма у ключницы. – Ребёнка перепеленать и покормить надо.

– А где же мать её? – отмерла Татьяна.

Ульяна не ответила. Она молча смотрела на князя Василия, который забыв обо всём на свете, с блаженной улыбкой качал ребёнка, что-то нежно бормоча. Затем Ульяна вздох-

нула.

– За мной идите. Да дворню зовите. Там они, в санях. И Наташа, и муж её. Оба мертвые.

Ключница ахнула, прикрыв рот, а потом толкнула кучера:

– Что стоишь? Или не слышишь? Заводи лошадь во двор.

И дворню собирай, видишь, барин занят.

Но Василий Петрович вдруг передал малышку Татьяне, а сам поспешил за Степаном. Ульяна неслышной тенью скользнула следом.

Мертвую Наташу внесли в дом и уложили на лавку. На Сергея князь даже не взглянул, будто это был не человек, а дохлый пёс, и, сгорбившись, пошёл в дом.

Перед мёртвой дочерью князь Василий опустился на колени и, взяв её руку, стал всматриваться в бледное лицо, словно ожидая, что покойница откроет глаза и посмотрит на него.

Дворня молча стояла позади, кто-то из женщин тихо плакал.

– Как она умерла? – охрипшим голосом спросил князь у Ульяны.

– Да казаки их подстрелили, – буднично ответила та. Обложили банду Игнашки Косого казачки по царскому указу, кого на смерть изрубили, кого в плен взяли. Самого атамана, говорят, в цепях в столицу повезли. А Наташу Сергей сумел на лошади вывезти, она от страха рожать прежде времени

начала. Не догнали их казачки верховые, а пуля шальная догнала. Одна на двоих им досталась, навывлет прошла.

Не знаю, как живыми до меня добрались. Пёс мой, Серый, зарычал, залаял, чужого почуял. Выглянула в окно – а они вдвоем в седле, еле держатся.

Полушалок накинула, выскочила на улицу – Наташа мне прямо на руки упала.

А этот, – Ульяна кивнула на окно, – хрипит: «Спаси мою жену и моего нерождённого ребёнка».

Тут только я поняла, что вот-вот дитя родится. Подхватила роженицу и в избу кое-как затащила.

Раздела, а на груди рана, крови много вытекло уже. И ребёнок на подходе. Едва успела девочку принять на руки. Хорошая девочка, крепенькая, здоровенькая. Пуповинку завязала и обрезала, обмыла дитё и в чистую тряпицу завернула.

Уж после этого к роженице повернулась. А она уж отходит. Шепчет: «Дочку батюшке моему свезите, пусть Марфой назовёт, как маменьку мою. И пусть простит меня, если сможет. Хоть недолго, но я счастлива была». Хотела я её отваром напоить, что кровь останавливает и боль уменьшает, Наташа руку мою с чашкой оттолкнула. «Не надо мне уже ничего, прощайте, Серёжа меня ждет».

Упала рука её, и душа отлетела. Я тут про супруга ее вспомнила, снова во двор выскочила. А Сергей уж заледенел весь. Видно, сразу помер, как я Наташу в избу затащила. Через неё и держался из последних сил, а как довёз – так и

преставился.

Запрягла я лошадку свою старую в розвальни. Кобылка, на которой Сергей жену привёз, еле живая была, от усталости на колени упала. Я в стойло её завела, хорошая лошадка, добрая. Жаль, если издохнет на морозе. Мертвых в розвальни затащила, дитё укутала – да к вам в усадьбу и двинулась. Хоть и обижена я тобой, Василий Петрович, а всё же не чужая мне Наташа была. И дочка её тоже родная кровиночка.

Поднял князь на Ульяну глаза, полные слёз:

– Полно тебе, Уля, все в прошлом. Нет больше ни Марфы, ни Наташи. Обязан я теперь тебе по гроб за то, что внучке моей помогла народиться, и Наташину последнюю минутку скрасила.

Крестить буду маленькую после похорон... Будь ей крёстной.

Засмеялась Ульяна.

– Нельзя мне, ты ж знаешь. Другим богам я теперь молюсь. Но за приглашение – спасибо.

Ульяна поплотнее закутила шаль.

– Пойду, я здесь больше не нужна, – и вышла неспешно. Скрипнули ворота на морозе, застучали копыта по мёрзлой дороге, и стихло всё.

– Татьяна, – позвал князь, – Татьяна!!

Ключница возникла из ниоткуда и безмолвно застыла.

– Наташу обмыть, обрядить, как положено. Завтра Рождество, отец Федор отпевать покойницу не станет. Пусть по-

слезавтра придёт, заплачу щедро.

С Марфушей рядом дочку похороню.

Татьяна кивнула, но не уходила, мялась чего-то.

– А с этим то чего делать? С супругом то ейным?

Князь Василий скривился.

– Была бы моя воля, так велел за ноги да в овраг оттащить.

Да боюсь, дочка обидится на меня за такое.

Схороните на погосте как положено. Хоть и разбойник, а всё ж с крестом на шее, гляжу.

Тело Наташи переложили на покрывало и унесли обмыть дворовые бабы.

А Василий Петрович, сразу постаревший на добрый десяток лет, шаркая ногами, тяжелой поступью направился к себе в спальню.

Там уже жарко горели в камине сосновые поленья. Румяная девка Палашка кормила вымытую и спеленатую малышку из рожка.

Лицо князя переменялось, подобрело, расцвело улыбкой.

Девочка сосала всё медленнее и, наконец, уснула, выпустив рожок изо рта.

– Дай мне её! – потребовал князь.

Палашка безропотно протянула ребёнка.

Василий Петрович бережно взял внучку на руки и нежно прижал к себе. От спящей девочке вкусно пахло козьим молоком и ещё чем-то неуловимо родным, так пахнут только дети.

«Марфа, – прошептал князь, – моя ты лапушка!»

И слёзы радости потекли из его глаз.

Ближе к полночи вернулась домой и Ульяна. Распрягла старую кобылу Милку. Завела в сарайку.

Милка удивлённо покосилась на вторую лошадь возле яслей.

– Но, Милка, но. Спокойно. Старовата ты у меня уже, вот выходим приبلуду – будет тебе смена

Ведьма потрепала молодую лошадь по холке. Кобылка отдохнула и выглядела гораздо лучше.

Ульяна подкинула сена в ясли и заторопилась домой. Оббила валенки в сенях и шагнула в избу, на ходу снимая полушалок. В полумраке рубиновыми углями светилось устье русской печи. Ульяна скинула валенки и полушубок. Без платка она выглядела значительно моложе, не старше сорока лет.

Из большой корзины, прижавшейся к тёплому боку печки, выпрыгнул здоровенный, пушистый, чёрный кот, сверкнул зелёными глазами, звонко мурлыкнул и потянулся.

– Ты ж моя умница! – Ульяна погладила замерзшей рукой чёрного красавца. – Грел гнёздышко без меня.

Она подошла к печи и протянула к углям руки, потирая ладонь о ладонь, пытаясь быстрее их согреть. Из корзинки доносилось побряхтывание.

– Ну потерпи, потерпи, моя маленькая! – ведьма вынула из-за пазухи рожок с молоком. – Сейчас я тебя покормлю.

Она наклонилась к корзинке и взяла на руки спеленатого ребёнка. Тот закрутил головкой, пытаясь найти материнскую грудь.

– Проголодалась, девочка моя, проголодалась маленькая. Вот покормлю тебя сейчас.

Ульяна сунула рожок с молоком в ищущий ротик, и младенец стал жадно сосать.

Глава 1

За похоронами Наташи, и последовавшими за ними крестинами внезапно обрётённой внучки, Василий Петрович и не заметил, как прошло время.

Для Марфуши нашли кормилицу, дородную Фёклу-повариху, у которой подрастала годовалая дочка.

Фёкла вкусно пахла булочками и блинами, молока у неё было много, и внучка Василия Петровича подрастала, как на дрожжах. Бледненькая и маленькая при рождении, к трём месяцам Марфуша стала пухленькой и румяненькой. На ручках и ножках появились перевязочки, очень умилявшие князя. Глазки из младенческих бледно-голубых переменились в вишнёво-карие, девочка была не капризной, уже узнавала деда и улыбалась беззубым ртом, если он брал её на ручки и начинал тетёхать.

Когда началась капель, и потекли первые весенние ручьи, Львов вдруг вспомнил про Ульяну и ему стало совестно. Ведь своим сегодняшним счастьем он был ей обязан: кабы не ведьма, не смеялась бы у него на руках чудесная малышка, не пускала бы пузыри беззубым еще ротиком.

Князь позвал ключницу, велел собрать Ульяне гостинцы: масло, сало, муку, пшена мешок, хлебов да пышек тоже целый мешок, одёжки кое-какой добавил, холсты белёные. Ну и по мелочам для хозяйства ещё добавила Татьяна от себя.

Запрягли лошадь по утру, сложили в сани подарки, Степан вожжами дернул – повезла кобылка Ульяне гостинцы. Только к ночи вернулся кучер с подарками назад.

– Неужто не приняла? – ахнула ключница

– Нет её, и, видать, давно. Ставни заколочены, во дворе снег слежался не убранный. Уехала Улька, а куда её чёрт унёс разве ж кто знает?

Князю доложили об исчезновении. Тот огорчился, но постарался виду не показать. Велел время от времени наведываться в брошенный дом и проверять, не вернулась ли хозяйка.

Дни летели незаметно. Марфуша росла и хорошела. Научилась хватать деда за нос и залиvisto смеяться вместе с ним. В 9 месяцев уже ходила с кормилицей за руку, но отпускать поддержку еще не решалась. В три года – бегала за дедом с книжкой и требовала сказать ей "Это какая бука". В семь заскучала и попросила деда «устроить ей веселье».

Василий Петрович подумал и решил возобновить приёмы во Львовке. Близились именины Марфы, и соседям разослали приглашение на званый обед, устраиваемый в честь Марфушиного ангела. Соседи приглашения с радостью приняли, всем было любопытно поближе посмотреть на внучку князя Василия, да и давненько не было в их провинциальном захолустье веселых праздников.

Явились все приглашённые, даже Свиныны пожаловали,

решив, что со смертью Наташи исчезла и причина для обиды. Тем более, что Гришка очень удачно женился, невеста была знатного рода, богата, красива и глупа. Чего же более желать, и скоро в семействе Свиных ожидалось прибавление.

Именинница, наряженная во все розовое: платье шёлковое с воланами, туфельки из розового атласа, розовый бант в наплоенных каштановых волосах, важно восседала рядом с дедом во главе стола Гости подходили, поздравляли, дарили подарки, и всяк хотел облобызать это розовое чудо. Марфуша вздыхала, как большая, но терпела. Подарки она любила и нетерпеливо поглядывала на гору из коробок и коробочек, сложенных на отдельном столике.

«Ниче, ниче, – шептала ей нянька Палашка, – ужо все разойдутся, тогда мы с тобой и поглядим, чего тут гости на-тащили». Но гости расходится не спешили, прибыл посыльный из монастыря преподобной Марфы Псковской, привёз заказанную к торжеству специально для Марфуши иконку с ликом благочестивой княгини Марфы. Развернули холст: икона была великолепна. Богомаз изобразил схимонахиню в византийском стиле, в молитвенном предстоянии. Гости восхищённо перешёптывались, пытаясь угадать сколько же денег, и какие дары князь отправил в монастырь.

Василий Петрович был доволен, он тут же распорядился отнести святую покровительницу в Марфушину светлицу и поместить в центре иконостаса. Марфа встала и стала про-

свить деда позволить ей открыть подарки. Князь сделал знак, столик с подарками тотчас же унесли в комнату внучки, туда же отправились и подарки покрупнее. Палашка с облегчением подхватила Марфушу, и увела из гостиной.

Чего только не было в коробочках, перевязанных цветными лентами! Казалось, соседи пытались перещеголять друг друга и надарили девочке самые удивительные вещи. Здесь были и великолепное постельное бельё, скатерти и полотенца, украшенные затейливой вышивкой. «Не иначе, как поповна Лизка отшивала, – восхищённо просвещала девочку Палашка. – Лучше, чем Лизавета, строчку никто не кладёт». Была и посуда мейсоновского фарфора, украшенная золотыми вензелями М и Л, и огромная коробка восточных сладостей.

– Эту мы с тобой никому не покажем! – подмигнула именинница няньке. – Сами съедим!

В двух коробках лежали фарфоровые куклы в модных парижских нарядах.

– Ну, этих кукол точно баронесса фон Штерн подарила. Известная модница говорят, даже своим левреткам одежду за границей заказывает. – Палашка разглядывала кукол со всех сторон. – Чисто барыни обряжены.

Но особенное восхищение вызвало большое напольное зеркало в золочёной раме. Марфа вертелась вокруг него и так, и эдак, и всё заглядывала за него.

– Да что ты хочешь увидеть там сзади? – смеялась Палашка, аль думаешь, что там кто спрятался? Марфа обняла няньку за шею и зашептала ей на ухо:

– Нянюшка, только не смейся. Я и во сне вижу часто как-будто себя. Но это не я. Какая-то другая девочка. У неё моё лицо, но совсем другая одежда, и глаза другие, и волосики.

– Какая же другая, моя птичка? Такая красotka здесь только одна: Марфушечка-душечка. – улыбнулась Палашка.

– Нет же, няня, нет. Она – как моё отражение. Я сейчас вот посмотрела в зеркало- а она там. Похожа на меня, но это не я.

Няня нахмурила брови и потрогала девочке лоб.

– Пойдём-ка спать, стемнело на улице давно, да и гости почти разъехались. Устала ты, моя голубка, вот и мерещится всякое. Нянька подхватила Марфу под руки и отвела в кровать. Едва успела она переодеть девочку в ночную рубашку, как явился князь пожелать внучке доброй ночи.

– Довольна ли ты, душа моя, праздником? – спросил он, присаживаясь на край постели.

– Довольна, дедушка, очень довольна. Подарки просто чудесные. А это зеркало – что за прелесть! Прошу, давай чаще устраивать такое веселье.

Князь поцеловал Марфушу в лоб. – Учись прилежнее грамоте, языкам. Рукоделие так же не забывай, и к Рождеству устрою тебе вертеп, как ранее устраивал.

Марфуша горячо поцеловала деда и зашептала ему на уш-

ко:

– Дедушка, лошадку хочу, очень, свою! Василий Петрович вздрогнул, как от удара и нахмурил брови:

– Мала ещё на лошади ездить. Не желаю даже говорить об этом! – и князь стремительно вышел из светлицы.

Но кобылку всё же Марфе он купил. Для уроков верховой езды и сопровождения внучки на конных прогулках был нанят за скромное жалование бравый отставной кавалерист Иван, невысокий, прихрамывающий на одну ногу, с густой седой шевелюрой и усами. Никаких молодых берейтеров рядом с внучкой князь видеть не желал, памятуя историю, произошедшую с Наташей. С Иваном Марфа быстро подружилась, Отставной вояка семьи не имел и привязался к девочке, как к родной.

В 12 лет Марфуша великолепно сидела в дамском седле, но предпочитала скакать в мужском, надевая перешитый дедов камзол и обтягивающие рейтузы. Дед внучку не бранил. «Подрастёт, остепенится и сама дамский костюм попросит», – думал он, любуясь на девочку, ловко сидящую в седле. Дядька Иван всё так же сопровождал юную проказницу в поездках по окрестным лесам и лугам, но девочка не то, что б тяготилась его присутствием, но все чаще ей хотелось удрать от провожатого, что б неспешно побродить по лесу с кобылкой в поводе. Лес странным образом манил её, казалось, что это и есть настоящий дом, где всё знакомое и родное, а вовсе не старый дом в усадьбе. «Опять сбежала, шельма», – ворчал

дядька, когда Марфа, в очередной раз спрятавшись в молодом ельнике, хихикала, наблюдая за стариком. Впрочем, это у них давно переросло уже в игру. Марфа знала, что дядька Иван будет терпеливо ждать её в березнячке, а она в свою очередь, через пару часов непременно вернётся. Как только дядька со своим гнедым меринном скрылся из глаз, Марфа вывела кобылку из укрытия и поехала к ручью. Там она спешила, дала кобыле напиться и зацепила повод за куст лещины. Это место у лесного ручья было самым любимым у Марфы. Ручей промыл себе глубокое ложе между соснами, и место было довольно укромным. Девочка подолгу сидела у воды, вглядываясь в своё отражение, и даже разговаривала с ним, рассказывая то, что казалось интересным. И казалось, что отражение внимательно слушает её и даже, одобрительно кивает. Раздался шорох, и сверху посыпались комочки земли и песка. Марфа подняла голову, ожидая увидеть какую-нибудь лесную зверюшку, и подскочила от неожиданности: огромный черный кот внимательно смотрел на Марфу изумрудными глазами.

– Кис, кис! – позвала девочка кота. – Какой красавчик! И откуда ты здесь взялся?

Кот принялся вылизываться, продолжая искоса поглядывать на Марфу. Девочка попыталась забраться наверх, но корень, за который она уцепилась, обломился под рукой, и Марфа свалилась вниз. А когда вновь поднялась – кота на прежнем месте не было. Марфуша отряхнула одежду и по-

правила растрепавшиеся волосы. Пора возвращаться.

Дядька Иван уже, поди, заждался. Девочка похлопала лошадь по холке. Та послушно наклонилась, и Марфа, легко забравшись в седло, пустила кобылу по тропинке легкой рысью. Она не видела, как из кустов лещины на тропинку вышел большой черный кот, а за ним – женщина и они долго провожали всадницу взглядом, пока та не скрылась вдалеке.

Дядька Иван сидел на поваленной берёзе и что-то выстрегивал из березовой чурочки. При виде Марфы, он убрал ножик за голенище и поднялся.

– Что так долго, стрекоза? Я уж хотел пуститься на твои поиски.

– Дядька Иван, я такого чудного кота встретила в лесу! Большой, как барашек, сам чёрный, пушистый, а глаза – зелёным полыхают. Няня Палашка сказывала про кота Баюна. Может, это он и есть?

– Придумала тоже – Баюн. Нянька тебе сказки сказывала, а откуда в нашем лесу кот сказочный? Уж не выдумала ли ты этого кота?

– Не выдумала, – обиделась Марфа. – Был кот, большущий, стоял и на меня глядел. А потом в лес ушёл.

О том, что она хотела кота поближе поглядеть, Марфа не сказала. А ну, как дядька ей больше не позволит одной по лесу гулять.

– Ну, так значит, это дикий кот был. Они супротив домашних гораздо крупнее.

– Может, и дикий, – вздохнула Марфуша и задумалась.

Так молча они и доехали до усадьбы. Там дядька забрал лошадей и повёл в конюшню, а Марфуша поторопилась переодеться к обеду. Дедушка не любил, когда она опаздывала к столу. Вечером за ужином в людской Иван рассказал о коте, которого Марфуша якобы видела в лесу. Но вопреки его ожиданиям, никто не удивился и не рассмеялся. А Татьяна ахнула и перекрестилась на образа:

– Никак Ульяна вернулась! Надо проверить и барину доложить.

– Это что ещё за Ульяна? – удивился Иван.

Ему, как человеку новому во Львовке, история рождения Марфы и участие в ней Ульяны была неизвестна. Татьяна выглянула в коридор и, понизив голос, стала рассказывать.

Лет эдак тридцать или более, молодой князь Львов служил в гусарском полку в чине штаб-ротмистра. Видный офицер, дворянин, привлекал особ женского пола и, надо сказать, был он до этого самого женского пола очень охоч. Несколько раз стрелялся на дуэли и дважды был даже легко ранен. Но все похождения разом закончились, когда навещая дальнего родственника, в его имении он встретил прелестную Ульяну Горчакову. Девушка была настолько хороша собою, что князь потерял голову. К тому же она была великолепно образована: знала несколько языков и свободно рассуждала о литературе, и даже о политике имела своё мнение.

Князь загостился в имении дядюшки. Молодая прелестница была дочерью соседских помещиков, и ежедневные конные прогулки стали обыкновенным делом.

Князь подал прошение об отставке, всерьёз намереваясь жениться на Ульяне. В доме Горчаковых Василия Петровича принимали благосклонно, как жениха дочери. Но тут случилось непредвиденное: с лечения на водах вернулась сестра-близнец Ульяны – Марфа, девушка хрупкая, слабая здоровьем. Один взгляд кротких синих глаз Марфы – и Ульяна была забыта. И предложение руки и сердца Львов тут же сделал другой сестре.

Родители опешили, а скромная Марфа вдруг неожиданно это предложение приняла и заявила: или она станет женой князя Василия, или – в монастырь преподобной Марфы Псковской послушницей. И сообщила она это решение так твердо, что испуганные родители на брак благословили. Венчание было скромным, и вскоре молодые отбыли в имение Василия Петровича. Ульяна удар перенесла стойко, но на венчании сестры была бледна как мел. А после церемонии пропала, и не объявилась ни через день, ни через месяц. Искали ее по всему уезду, в лесу, на берегу реки Лесной овраг нашли сложенное платье Ульяны, нижнюю рубаху, туфли и серебряный крестик. Всё это было предъявлено для опознания родителям. Те сразу их признали: все вещи принадлежали пропавшей Ульяне. Особенно поразило то, что среди вещей был и её крестильный крест, который девушка нико-

гда не снимала. Горе родителей было неопишваемым: Ульяна утопилась, потому и крест сняла. Тело же её так и не нашли, Лесной овраг славился бездонными омутами и быстрым течением.

Священник отпевать Ульяну за упокой отказался, ибо грех это великий, самоубийство. Не прощёный. Это окончательно подкосило старого Григория Горчакова, он беспробудно запил и вскоре умер от сердечного приступа. Супруга тихо ушла за ним следом. Марфа была уже беременна Наташей, одному богу известно, как она не скинула дитя. Дочка родилась здоровенькой, а сама Марфа долго не вставала с постели, медленно восстанавливаясь после родов. Здоровье у неё и без того было слабым, и рождение ребёнка только ещё сильнее его ослабили. Доктор, приехавший из города, рекомендовал вновь отправиться на курорт, на лечебные воды, но Марфа не хотела покидать супруга и маленькую дочь.

Мало-помалу княгиня оправилась, стала чаще гулять в саду и заниматься дочкой. Несмотря на категорический запрет доктора, через несколько лет Марфа вновь забеременела. Князь только что на руках жену не носил, потакал любой её прихоти. Доктор приезжал из города каждую неделю, а к концу срока должен был и совсем переехать в имение, ему уже готовилась комната, но роды начались внезапно, Василий Петрович был с деловым визитом за тридцать вёрст. За ним послали, когда князь соскочил с взмыленного коня, Марфа уже была так слаба, что не могла даже кричать.

Старая повитуха ничем не могла помочь роженице и только шептала беспрестанно молитвы и крестилась. Наконец княгиня разродилась крошечным младенцем мужского пола. Он тихо попискивал, но было видно: не жилец. Послали за бабьюшкой, и он наскоро окрестил младенца Петром. Ребёнок грудь кормилицы не взял, только раскрывал ротик в беззвучном плаче и вскоре заснул навсегда. Следом отлетела и душа его матери.

Князь чуть не сошёл с ума после похорон, много пил, а потом садился на лошадь и скакал по полям и лесам до изнеможения. Однажды лошадь под ним оступилась, и князя на полном ходу вылетел из седла и, ударившись о землю, потерял сознание. Очнулся он от того, что кто-то гладил его по голове. С трудом князь открыл глаза: перед ним сидела женщина, тихим голосом она что-то напевала на незнакомом языке. Подле неё лежал большой чёрный кот с изумрудными глазами и мурлыкал в такт песне. Василий не отрываясь смотрел женщине в лицо, узнавая и не веря своим глазам.

– Уля... – он разлепил наконец губы, – Уля.

– Чш-ш-ш! – женщина приложила палец к губам. – Молчи!

И она продолжила свою песню. Князь закрыл глаза, было так хорошо, сердечная боль отпустила, и как на яву он увидел свою маленькую дочь Наташу, о которой почти забыл в своём горе. Она грустно сидела в детской, укачивая тряпичную куклу, искусно сшитую няней.

– Наташа, доченька! – позвал Львов и проснулся.

Он лежал на траве, лошадь паслась рядом. Князь рывком поднялся и ощущал себя. Ничего не болело, будто и не было никакого падения, а он просто прилег подремать наопушке и женщина с лицом Ульяны и большим черным котом ему просто приснилась. Одним махом Василей Петрович вскочил на коня и помчался в имение. Он знал теперь в чем смысл его жизни, дочь Наташа его утешение и светоч жизни.

А в Львовке заговорили о женщине-знахарке, поселившейся в лесу, в доме старой ведуньи. Вместо помершей старухи она стала лечить людей травами и заговорами. А уж коптице у неё такой громадный был, каких не видывал никто. И пёс серой масти, на волка похожий.

«Истинная ведьма!» – шептались крестьяне, но за помощью к Ульяне всё же шли. И она никому не отказывала, готовила отвары, мази, принимала роды, вправляла вывихи и свивала растяжения. Сам отец Федор её мазью пользовался и крестьянам не запрещал к знахарке ходить. Имел он с Ульяной долгую беседу, после которой ходил задумчивый, а потом объявил, что Ульяна крещена в православии и умения ее от бога, а то, что в лесу живёт и одевается странно – так это не богопротивно. И постепенно к Ульяне привыкли, хоть и побаивались. Где был Ульяна все эти годы – никто не знал и спрашивать не смел. Князя Василия она изредка тайно навещала, шептались, что ведьма князя приворожила.

Но ключница клялась, что приходила она к Наташе и с Василием Петровичем наедине не оставалась. И, видно, не без ее участия сбежала потом Наташа с возлюбленным... Дядька Иван только кричал удивлённо в усы, слушая историю об Ульяне.

– Так, выходит, что ведьма-то свояченица князю? – спросил он Татьяну.

– Выходит, – вздохнула та, – только князь не любит, когда об этом болтают.

Марфуша, готовясь ко сну, расчёсывала волосы, сидя перед любимым зеркалом. Это давно вошло у неё в традицию. Девочке казалось, что там, за стеклянной поверхностью, её лучшая подруга, которой можно рассказать о том, что тревожит. И пусть отражение молчит, оно всё слышит и понимает.

– Нянюшка, – позвала Марфа Палашку, стелившую ей постель, – расскажи мне сказку про волшебного кота, только нестрашную.

Няня укрыла девочку одеялом и задумалась.

– Ну, слушай. Живут на земле два братца-кота. Один – добрый да мудрый, коли он в какой семье появится – так гнать его никак нельзя. С ним семья крепкой и дружной будет. А звать этого кота – Люб.

– Няня, -перебила Марфуша,– а котик этот черненький и с зелеными глазами?

– Почему чёрненький? Ну, пусть будет с зелёными глаз-

ками, – согласилась Палашка.

– А второй кот – злой да противный. И звать его Нелюб. Коли такой заведётся где – так будут в семье ссоры да разлад.

Голос нянюшки журчал, как лесной ручей, убаюкивал. Марфуша закрыла глаза и заснула. Во сне черный зеленоглазый кот терся о ее ноги.

«Люб, Люб», – позвала его Марфуша и погладила. Кот довольно зажмурил глаза и замурчал.

Глава вторая

Ива аккуратно складывала сорванные травы в корзину. Девочка торопилась: сегодня был летний солнцеворот, травы в этот день обладали особой силой, нужно было набрать их как можно больше. Цветы зверобоя, вербена, Иван-да-Марья – всё пригодится для изготовления обережных веников. Ива и сама не знала, откуда у неё умение понимать для чего сгодится сорванная травинка, но веники у неё получались много лучше, чем у матушки. Крестьяне всегда охотно их брали. Сушила травы для оберегов Ива тоже сама, а потом любовно добавляла травинку к травинке, веточку к веточке. Каждому покупателю свой обережный травяной букет: вербена очистит дом от злых духов, зверобой не пустит зло даже на порог. Напрасные страхи и тревоги прогонит крапива и веточки тысячелистника, цветы Ивана-да-Марьи защитят дом от воров, жёлтый цветок одолень-травы убержёт от нечистой силы.

Пушистый кот с изумрудными глазами лениво лежал в тенёчке под кустом лещины. Казалось, что он дремлет, но на самом деле он ни на минуту не выпускал девочку из вида. Ива еще плохо знала этот лес, и кот всегда сопровождал её, безошибочно выводя из леса домой. Корзина была полна, и можно было возвращаться.

– Царапка, веди домой, – Ива погладила кота по голове.

Она устала. Мать разбудила её на зорьке

«Поднимайся, дочка, – идем росой умываться. Сегодня роса самая целебная, солнцем напитанная, красоту, молодость и здоровье сохраняющая». Босиком, в одних холщёвых рубашках они вышли на опушку лесной полянки. Вся трава была обильно покрыта жемчужинами росы. Ульяна прошла босыми ногами по этим жемчужинам, подол ее рубашки скоро стал мокрым, но женщина не обращала на это никакого внимания. Она собрала росу в горсть и умыла лицо, а потом легла на траву и перекатилась по ней, и ещё и ещё.

«Ива, ну что же ты? Поторопись, нам еще собрать росную воду надо для настоев», – позвала она дочь, которая как замороженная наблюдала за действиями матери.

Ходить по росной траве было приятно и немного щекотно. Ива набрала росы в горсть и умылась, в рот попало несколько капель. Они были такими вкусными, что девочка сначала напилась волшебной воды, а уж потом легла на траву.

Ульяна тем временем расстелила новую белую простыню, и она сразу стала мокрой от росы.

– Ива, помогай! – она вновь окликнула дочь.

И они вместе, стараясь не пролить ни капли драгоценной влаги мимо, отжали простынь в новое липовое ведро. И еще раз собрали росу и отжали, и ещё, пока ведро не наполнилось. Роса, собранная на солнцеворот, использовалась для приготовления самых сильных снадобий.

– Достаточно, – решила Ульяна и бережно прикрыла вед-

ро крышкой. – Послал бы Догода и на Купалу жаркую погоду. На весь год бы росой запаслись.

– Матушка, а какой он, Догода? Поди, старый, да бородастый? – Ива любила, когда мать рассказывала ей о старых славянских богах.

– Нет, Ива. Догода молод и хорош собою. У него голубые глаза, русые кудри и румянец на лице.

Конь у него белый, крылатый, что б Догода поспевал везде побывать. А как же, ведь где-то жару просят, тучи надоели, а где-то дождичек благодатный нужен. Вот и летит он на своём крылатом коне, в руках цветущая ветвь шиповника, а на голове – венок из васильков. И нет для него лучших подношений, чем песни, танцы да весёлый смех. Вот такой он, Догода. – Закончила Ульяна.

– Вот бы одним глазком поглядеть на него, – вздохнула Ива.

– А ты на небо чаще поглядывай, он людям часто является в виде облаков. Кто знает, может, во-о-он то облако и есть Догода! – показала Ульяна на белое облако, напоминающее всадника.

Мимо лесного ручья Ива никак не могла пройти. Она любила посидеть на бережку, слушая, как журчит вода, и вглядываясь в своё отражение. Девочка поставила корзину с травами, зачерпнула воды и напилась. От ледяной воды заломило зубы. Ива наклонилась над водой и тронула своё отражение.

– Ты здесь?

– Я всегда там, где ты.

– Кто же ты? – прошептала Ива.

– Ты знаешь, кто я. Я – это ты.

– А я, тогда, кто?

– Ну, а ты – это я...

– Это как? – не поняла девочка.

– Мы одно целое.

Ива задумалась:

–И мы всегда будем вместе?

– Да.

Ива улыбнулась, отражение помедлило и тоже улыбнулось в ответ. Черный кот потёрся о руку девочки, та вскочила.

– Идём, я знаю, мама будет сердиться, что я опять ходила к ручью. Но я скучаю по ней. И не говори мне, что я разговариваю сама с собой! Я это много раз слышала от матушки.

Кот поднял хвост трубой и важно пошёл по тропинке. Ива подхватила корзинку и заспешила следом.

А дома были гости. Ива еще издалека увидела, что к ограде привязан гнедой мерин, сонно жующий свежую траву. Девочка погладила лошадь по атласной шее, раздумывая, зайти в избу или подождать, пока чужой уедет. Дверь внезапно открылась, и на порог ступил седой мужик в добротной крестьянской одежде, а следом вышла и матушка.

– Ух ты, какая красуля, хороша, как ясный день! Откуда

ж такая прелестница? – удивленно спросил мужик, разглядывая Иву.

– Дочь это моя, Ива, а что хороша – так не диво. Я в её годы тоже красовитой была. Поезжай, Степан, нечего дочку смущать. Барину за гостинцы поклон. А мазь от прострела завтра поутру, будет готова, сама князю привезу.

Степан, поглядывая на Иву, тяжело взгромоздился на мерина, и тот неторопливо потрусил по неприметной тропинке.

– Мама, кто это был? – Ива поставила корзину на лавку.

– Всё собрала, что велела? – вместо ответа спросила Ульяна и нехотя добавила:

– Кучер это барский, Степан. Привёз гостинцы от князя Львова. Мазь просит Василий Петрович ему изготовить, с постели встать не может в спину вступило.

Как же любила Ива, когда мать доверяла ей готовить мази и отвары! Девочка с охотой толкла в ступке сушёные травы, нарезала коренья, мешала булькающее варево в чугушке. По избе разносились удивительные запахи, то горькие, то дурманяще-сладкие..

– Молодец, – хвалила она Иву. – Знатная травница из тебя выйдет. Необыкновенное чутьё у тебя на то, какая трава какую усиливает, а какая ослабляет. Скоро выше меня в этом деле будешь. Жаль вот только, что более никакого дара тебе не досталось.

Ива огорчённо наклонила голову. Не в первый раз слышала она от матушки эти слова. Но разве она виновата, что нет у

неё другого дара, только силу травы понимать и могла? В ещё горячее снадобье девочка добавила растопленные пчелиный воск и шерстяной жир, тщательно перемешала и перелила в чистый горшочек остывать: мазь от прострела и ломоты была готова. Ранним утром Ульяна отнесёт её в барский дом. Но глубокой ночью глухо залаял дворовый пёс Брэх, и тут же застучали в дверь. Ульяна затеплила лампу, накинула на плечи шаль и вышла в крохотные сени. Разбуженная было Ива снова заснула, но вскоре мать настойчиво затеребила её за плечо:

– Проснись, дочка, я уезжаю в Плетнёвку, там жена старосты разродиться не может, вторые сутки мучается. Наказ тебе такой: с рассветом ступай во Львовку, отнеси готовую мазь, спросишь тётку Татьяну, ключницу, ей и отдашь. Пойдёшь прямо на север по тропинке, если собьёшься – Царап дорогу укажет.

Ива сонно кивнула и перевернулась на другой бок досматривать утренний сон. Ульяна задула лампу и вышла, прикрыв за собою дверь. Кот улёгся подле кровати, словно верный пёс охраняя девочку. Как только первые лучи рассветного солнца позолотили макушки деревьев за окном, кот потянулся, расправляя затёкшие лапы, и боднул большой головой спящую девочку.

– Отстань, Царапка! – Ива попыталась отпихнуть кота, но тот не отставал и продолжал бодать её, громко мурча.

Девочка, наконец, открыла глаза и вдруг вспомнила наказ

матери. Сна как не бывало, Ива вскочила, натянула сарафан, умылась, прибрала волосы, накрыла их платком. Мать сердилась, если дочка выходила на люди простоволосой. Горшочек с мазью отправился в холщовую сумку, туда же Ива положила пшеничные пышки и бутыль с водой. «Съем по дороге», – решила она. Пёс, виляя хвостом, выбежал из кустов. К его морде прилипли несколько птичьих пёрышек: Видно, Брёх славно поохотился этой ночью. Он было тоже увязался за Ивой, но она строго приказала ему вернуться.

«Охраняй!» – велела она, и пёс послушно потрусил домой. Царап то исчезал в кустах, то вновь появлялся на тропинке, но не упускал Иву из виду и громко мяукал, если девочка сомневалась, в ту ли сторону она идет. Ива следовала за его пушистым хвостом до самых ворот усадьбы. Ворота были ещё заперты, но за ними угадывалось движение. Ива громко постучала и стала ждать. Кот улёгся у её ног. Через некоторое время раздались шаркающие шаги и недовольный голос произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.